

RU

От исследований повседневности к исследованиям религиозной повседневности: понятие «живой религии»

Трубина Е. Г., Саид Лубна

Аннотация. Цель исследования - на основе экспликации понятийной логики научных работ по религиозной повседневности установить, какой вклад в понятийный аппарат философии религии и религиоведения вносит понятие «живой религии» (lived religion). В статье рассмотрена связь между исследованиями повседневности и религиозной повседневности. **Научная новизна** заключается в аргументе о том, что фокус на «живой религии» открывает возможность обогатить понимание религии за счет выхода за рамки абстрактных теологических и философско-религиозных категорий. **В результате** показано, что можно выделить три линии осмысления религиозной повседневности, вытекающие из концепта «живая религия».

EN

From “Everyday Life” to “Everyday Religion”: “Lived Religion” Notion

Trubina E. G., Saeed Lubna

Abstract. The research objectives are as follows: to reveal conceptual logic of scientific works on everyday religion and to identify importance of the “lived religion” notion for philosophy of religion and religious studies. Interrelation of everyday life and everyday religion is revealed. The authors propose a thesis that studying “lived religion” enriches understanding of religion making it possible to go beyond the framework of abstract theological and philosophical-religious conceptions, wherein lies scientific originality of the study. The research findings are as follows: the authors identify three aspects of interpreting everyday religion, which are associated with the “lived religion” concept.

Актуальность темы исследования связана с ростом интереса к повседневности, в том числе религиозной, что, в свою очередь, вызвано ростом недоверия к обобщающим, «тотальным» социальным теориям. Расширение исследования феномена повседневности, его противоречий и изменений связано с тем, что во второй половине XX века интерес ученых привлекли субъекты, практики и отношения повседневной жизни. У этих исследований – демократическая подоплека, а именно установка на включение игнорируемых прошлыми научными парадигмами «простых» действующих субъектов, практик и вещей в поле зрения антропологии, социологии и иных дисциплин. Философские, социологические и литературные идеи и образы, организуя наше понимание жизни и «возможных» миров, были использованы для концептуализации повседневности. Повседневность осмысливается как нечто большее, нежели определенная сфера жизни (например, частная жизнь) или определенные предметы (например, школьный дневник как компонент учебной повседневности). Понятие повседневности отсылает к «естественным», непосредственно доступным местам, временам, эмоциям субъектов, вещам и практикам, отличающимся от всего «экстраординарного», будь то масштабные исторические события или природные катаклизмы. Повседневность – категория, обобщающая множество конкретных предметов и процессов, которые ассоциируются с тем, что повторяется каждый день и делается либо переживается для того, чтобы простая жизнь продолжалась. Это понятие мобилизует ресурсы нескольких мыслительных традиций для понимания широкого спектра практик, посредством которых субъекты осмысливают живое течение жизни. Среди таких традиций – и интерес к повседневности со стороны французских интеллектуалов (к примеру, Мишеля де Серто) и художников (например, Жильбера Леграна) второй половины XX века, феминизм, грамшианство, исследования антропологов Ирвина Гофмана и Джеймса Скотта, неомарксистские поиски французского теоретика и урбаниста Анри Лефевра.

Аналитически весьма значимо, что именно в этих традициях называется «повседневностью», как значимо и то, какие значения вкладывают в термины «повседневный», «обыденный», «ординарный» носители того

или иного языка. Изучение повседневности выходит на первый план в социальном знании под влиянием так называемого «поворота к практике», позволившего показать многослойность и сложное структурирование этого феномена.

Большая часть теоретических работ о повседневной жизни переплетается с эмпирическими исследованиями. Так, основатель этнометодологии Гарфинкель [1] разработал пути и средства для выявления и анализа конвенций, лежащих в основе микроинтерфейсов, которые структурируют повседневную жизнь. Формальные и неформальные варианты дискурса, споры о том, можно ли предвосхитить, что должно произойти дальше в обычных ситуациях, или вопросы о том, почему необходимо следовать обычаям, раскрыли плотную сеть обязанностей, которая окружает поведение в повседневной жизни. Этнометодологические исследования повседневной жизни привели к развитию повествовательного анализа и анализа разговоров. Повседневная жизнь изучается в биографических исследованиях, осуществляемых, в частности, феминистскими исследователями, показавшими, что именно женские голоса занимают центральное место в повседневной жизни, и использовавшими, наряду с прочими методами, автоэтнографию [7]. В данной статье мы решим следующие *задачи*: во-первых, кратко рассмотрим связь между исследованиями повседневности как таковой и исследованиями религиозной повседневности; во-вторых, охарактеризуем понятие «живой религии», которое используется в значительной части исследований религиозной повседневности либо в их рамках развивается на основе полученного эмпирического материала.

Теоретической базой исследования, наряду с трудами Гарфинкеля и Эллиса, послужили работы тех религиоведов, историков, социологов религии, которые размышляли о неофициальной, обычной религиозной жизни и возможностях ее исследования. Повседневность верующих людей зафиксирована в концепте «живая религия», разработанном Мередит Б. МакГвайр, Робертом Орси, Айвэном Стренски и рядом других авторов. В религиоведении и философии религии религия нередко осмысливается как набор верований и практик, которые разделяет некоторая группа людей. Более глубокое понимание находим у российского религиоведа И. Н. Яблокова, так определившего религию: «Религия представляет собой способ духовно-практического освоения мира, одну из областей духовной жизни общества, общностей, групп, индивидов и личностей; она есть: 1) необходимый аспект жизнедеятельности человека и общества; 2) способ выражения самоотчуждения человека в различных областях жизнедеятельности и преодоления этого самоотчуждения; 3) отображение и воспроизведение поступающей “извне” информации; 4) феномен культуры; 5) общественная подсистема, включающая некоторые элементы и выполняющая определенные функции» [3, с. 482]. Развивая мысль Яблокова о том, что религия есть общественная подсистема, выполняющая определенные функции, можно сказать, что религия функционирует как набор верований, позволяющий выявлять проблемы, с которыми сталкиваются члены религиозной общности, и предлагает решения, могущие, при соблюдении целого ряда условий, решить эту проблему [10].

Ученые все чаще противопоставляют теоретическое и повседневное понимание религии. Последнее часто непоследовательно. Нередко, называя себя приверженцами той или другой веры, люди действуют не в соответствии с убеждениями, которые они, казалось бы, должны исповедовать. Бережное отношение и интерес ученых к этим противоречиям и к тому, как религия практикуется и переживается в повседневности, привело к формированию понятия «живой религии», и именно конкретные формы повседневного бытования религии все чаще становятся объектом исследования в рамках религиозных исследований [5]. Основным *методом исследования* в статье является анализ англоязычных источников, а также концептуальный анализ релевантных теоретических и методологических ресурсов.

Практическая значимость исследования заключается в том, что оно обобщает понятие, которое используется в этнографических исследованиях религии, документирующих сложность и противоречивость включения религии в повседневную жизнь людей. Разумеется, сведение верований и действий людей к теоретическим понятиям – также противоречивый процесс, но в то же время, как хорошо известно, понятия среднего уровня представляют собой необходимый компонент исследовательских методологий. Научные исследования «живой религии», то есть повседневных проявлений религиозных верований, свидетельствуют о большом разнообразии конкретных, связанных с религией, убеждений и практик [Там же].

Настаивая, что религиозная повседневность задает особый социальный и культурный контекст, МакГвайр и другие занимающиеся «живой религией» авторы продолжают популярный сегодня подход к религии как набору социальных практик: «практика» понимается как набор действий, посредством которых та или другая традиция, церковь или сообщество задают границы того, что значит быть религиозным.

Роберт Орси видит сходство между понятием «живая религия» и разработанным целым рядом европейских философов, в том числе экзистенциалистом Жан-Поль Сартром, понятием «жизненный опыт». Согласно Орси, «живая религия» побуждает нас вглядываться в происходящее не только в церквях и мечетях, но и в домах, на рабочих местах и на улицах: дух, помним мы из Библии, дышит, где хочет, и значимые для людей смыслы могут зародиться в разных, в том числе и в неспециализированных, религиозных местах. Религиозный опыт, подчеркивает он, возможен в самых разных пространствах [10]. Сосредоточившись на жизненном опыте и повседневной деятельности обычных верующих, в отличие от представления религии церковной традицией и ее официальными представителями, ученые обращаются к реальной сложности бытования религиозности, к тому, каким образом она укоренена и представлена в жизненном мире отдельных индивидов и сообществ.

Для концепта «живая религия» характерны три линии осмысления религиозной повседневности: во-первых, акцент на признании отличий между официальной доктриной и официально предписанными нормами поведения и разнообразными проявлениями адаптации, сопротивления или импровизации со стороны членов конгрегаций в отношении формализованных представлений о религии и попыток строго регулировать поведение

верующих; во-вторых, практики мыслятся не как случайные, но как принимающие форму ритуала. В организованной религии ритуальные практики занимают ведущее место, поскольку именно они включают человека в символическое наследие данной веры. Повторяющиеся, побуждающие к тому, чтобы слиться с Богом, ритуальные практики объединяют индивидуумов в группу и способствуют выработке коллективной идентичности за счет укрепления осознания ими принадлежности к символической сети, основанной на многолетних традициях. Эти функции ритуалов выходят на первый план в ходе отмечаемых праздников или в таких обрядах, как похороны или браки, которые объединяют семьи, друзей и религиозные общины. Все это представляет собой контексты, объединяющие повседневную религиозность, ритуалы, культуру и общество. Соответственно, изучающие «живую религию» ученые проводят полевые исследования и в храмах (местах официального отправления культа), и в ходе паломничества, светских праздников, дней святых, семейных сборов и т.д. «Официальные» идеи и направления регулирования религиозной жизни становятся интересными для исследователя «живой религии», когда они используются кем-то кроме профессионалов, т.е. простыми верующими [1, с. 5; 5, р. 4]. Третья линия – изучение связи между практиками и системами смыслов и символов. Для понимания религиозного опыта нам необходимо знать, как люди делают религиозный опыт значимым. Нарративы являются ключом к пониманию религиозного опыта и организующих его систем смыслов и символов, позволяя приблизиться к самым глубоким смыслам человеческой жизни. Помимо сбора и интерпретации нарративов, исследователи также участвуют в ритуалах и наблюдают за молящимися людьми, совершающими специфические жесты, особым образом обращающимися с предметами или, если они совершают паломничество, перемещающимися в пространстве. Есть несколько причин, которые могут объяснить специфические трудности, с которыми столкнутся исследователи, концентрируясь на религиозных нарративах. При подходе с использованием стандартных методов, таких как анкетирование или интервью, исследователи, равно как и заинтересованные люди, как правило, попадают в ловушку традиционного языка, в котором, возможно, еще недостаточно слов для того, чтобы зафиксировать тонкие переживания, не все из которых можно артикулировать из-за последствий секуляризации. Отдельную проблему составляет то, что к религии многие обращаются, пережив серьезную травму. Когда боль или страдания мешают индивиду общаться с другими (а тем более с исследователями), их можно облегчить посредством участия в ритуале или с помощью иной религиозной практики.

Интересен вопрос о методологических и теоретических истоках понятия «живой религии». Значимым истоком «живой религии» является упорный поиск современной социальной философией способов постижения жизни сообществ. В ходе этого поиска обнаруживается укорененность повседневности (в том числе и религиозной) в конкретной совокупности межличностных отношений. Тезис о разнообразии конфигураций повседневности близок теории форм жизни Людвиг Витгенштейна и понятию «горизонтального смысла» – одному из тех, с помощью которых американский философ Стэнли Кавелл осмыслил разнообразие практик, ритуалов и форм социальной организации [2]. Важен и феноменологический подход, развиваемый в социальной теории в течение двадцатого века. Этот подход пользуется все большей популярностью в научной рефлексии религии. «Живая религия» нацелена на то, чтобы сосредоточиться на индивидуальных практиках в повседневной жизни [5, р. 16] для того, чтобы показать, как именно религия входит в повседневную жизнь. Мередит МакГвайр настаивает на том, чтобы изучать проявления религии в отношении людей, а также быть внимательными к тому, что люди могут исповедовать религию как внутри, так и вне религиозных институтов, которые определяют верования и практики [9; 10]. Исследовательские вопросы, которые могут быть сформулированы с использованием понятия «живая религия», таковы: как проживается и переживается религиозная жизнь? Каковы личные взгляды верующих, их опыт и нарративы? В высокорелигиозных обществах и культурах можно ожидать, что живые проявления религии будут очень ограниченными. Это связано с тем, что аспекты повседневной жизни планируются и структурируются до мельчайших деталей: ритуалы, расписание, организация пространства, одежда и так далее. Кроме того, сам процесс религиозной социализации (например, в мусульманских обществах, обучение в медресе) приводит к интернализации религии, т.е. к тому, что институциональные правила, нормы и язык встраиваются в опыт религиозного субъекта [9].

Как указывает Орси, «живая религия» столь же связана с инакомыслием и сопротивлением нормам традиционных религиозных властей, сколь она связана с «гармонией, консенсусом и социальным узакониванием» [10, р. 19]. Далеко не всегда религия является лишь силой нравственного назидания и поощрения.

Понятие «живой религии» и основанные на нем стратегии исследования побуждают иначе рассмотреть институциональное измерение религиозной жизни. Религиозная жизнь – сложное и разнообразное явление в любой религии. Но все же особенно строго она регламентирована в особых институтах, например мусульманских медресе или католических монастырях [8]. И в том и в другом случае существуют конкретные правила, которые определяют почти каждый час жизни верующего. Следование этим правилам является способом стать ближе к Богу. Рассмотрение таких институтов с точки зрения «живой религии» очень поучительно, так как показывает, что, несмотря на ограничения личной автономии, верующие размышляют над своим отношением к Богу и над своим окружением, которое меняется под воздействием социальных факторов [9].

Изучая убеждения и практику отдельных людей, религиоведы чаще ориентируются на институционально сформулированные критерии выявления индивидуальной религиозности. Концепт «живая религия» побуждает относиться серьезно (как к столь же, если не более важному) к множеству индивидуальных способов, с помощью которых обычные люди запоминают, создают, адаптируют, смешивают и разделяют религиозные «истории» (нарративы), на основе которых они живут. Как напоминает нам Роберт Орси, в отличие от *проповедуемой* религии, религия простого верующего состоит из этих обычных практик, направленных на творческую пересборку подходящих именно для данного человека и самых убедительных для него религиозных нарративов [6; 7].

Таким образом, мы приходим к следующим **выводам**. В последние десятилетия исследования религии все чаще обращаются к изучению религии в повседневной жизни, в том числе с помощью понятия «живая религия». Несмотря на различия в эмпирическом обосновании и теоретических позициях авторов, эти исследования и лежащее в их центре понятие важны как попытка изучения практик вероисповедания, то есть того, что на самом деле делают религиозные люди. Тем самым лучше постигаются процессы формирования религии, которая связана с живыми социальными реалиями людей. Интерес к религии в повседневной жизни развился в результате осознания недостаточности обращения к институциональному измерению религии, в частности, регулирования практик верующих со стороны религиозных властей. Новый взгляд на повседневную жизнь представителей тех или иных конфессий и конгрегаций и внимание к практикам и взглядам непрофессионалов позволяют проблематизировать концептуальные оппозиции, лежащие в основе осмысления религии, в частности «официальное/неофициальное» и «институциональный/неинституциональный». Понятие «живой религии» также обогащает традицию этнографии религии, так как позволяет дополнить чисто концептуальный анализ демонстрацией сложности повседневной религии и религиозности людей. Использование этнографии религии дает возможность получить более полную картину по сравнению только с политическим анализом, поскольку такая методология позволяет включить в научный обиход опыт людей, не являющихся религиозными специалистами, и понимание религии вне религиозных учреждений. Исследование того, как люди проживают религию в своей повседневной жизни как в частной, так и в общественной сфере, с помощью понятия «живой религии» и используя методологию этнографии религии, позволяет сосредоточиться не на абстрактных категориях религии или убеждений, а осуществить исследование того, как реальные люди практикуют религию.

Список источников

1. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии / пер. с англ. З. Замчук, Н. Макарова, Е. Трифонова. СПб.: Питер, 2007. 336 с.
2. Трубина Е. Г. Признавая обычное: повседневность в философии Стэнли Кавелла // Пунктуации: складки времени: сборник научных статей. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2013. С. 178-195.
3. Яблоков И. Н., Давыдов И. П. Лекция № 22. «Религия и право» // Философия права. Курс лекций: учебное пособие: в 2-х т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М.: Проспект, 2014. Т. 2. С. 482-503.
4. Akhtar A. S. Islam as Ideology of Tradition and Change: The “New Jihad” in Swat, Northern Pakistan // Comparative Studies in South Asia, Africa and the Middle East. 2010. Vol. 30. Iss. 3. P. 595-609.
5. Ammerman N. Everyday Religion: Observing Modern Religious Lives. Oxford: Oxford University Press, 2007. 239 p.
6. Angeles L. C., Aijazi O. Revisiting the Madrassa Question in Pakistan: Worlding Lived Religion and Religious Education in Urban Spaces // Humanity & Society. 2019. Vol. 43. Iss. 3. P. 295-326.
7. Ellis C. The Ethnographic I: A Methodological Novel about Autoethnography. Walnut Creek, CA: Altamira, 2004. 448 p.
8. Khan N. Muslim Becoming: Aspiration and Skepticism in Pakistan. Durham, NC: Duke University Press, 2012. 280 p.
9. McGuire M. B. Individual sensory experiences, socialized senses, and everyday lived religion in practice // Social Compass. 2016. Vol. 63. Iss. 2. P. 152-162.
10. McGuire M. B. Lived religion: faith and practice in everyday life. Oxford: Oxford University Press, 2007. 290 p.

Информация об авторах | Author information

Трубина Елена Германовна¹, д. филос. н., доц.

Саид Лубна²

^{1,2} Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Trubina Elena Germanovna¹, Dr

Saeed Lubna²

^{1,2} Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg

¹ elena.trubina@urfu.ru, ² lubnasaeed58@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 18.09.2020; опубликовано (published): 30.11.2020.

Ключевые слова (keywords): религиозная повседневность; «живая религия»; практики; системы смыслов и символов; официальное и неофициальное в функционировании религии; everyday religion; “lived religion”; practices; system of meanings and symbols; the official and the non-official in religious practices.